

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81-26 347.78.034

ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Н.Е. Камовникова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург

Рассматриваются основные этапы развития концепции переводческого манипулирования текстом и, как следствие, целевой аудиторией. Предлагаются термины «разновекторная манипуляция», «прямая манипуляция», «обратная манипуляция», позволяющие более точное описание отношений переводческих практик к идеологическому контексту, в котором они осуществляются.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, манипуляция, идеология, переводческий активизм.

Изучение посреднической функции художественного перевода и модификаций структурных и содержательных особенностей оригинала в результате смены языкового кода и культурного контекста заставляют исследователей всё чаще обращаться к вопросу манипулятивности перевода. Изначально термин «манипулятивность» в переводе был применен Андре Лефевром [15] для описания переводческих практик, направленных на приведение текста перевода в соответствие с господствующими в принимающей культуре литературными канонами и социальными нормами. Согласно Лефевру, переводческая манипуляция возникает в условиях подчинения власти любого рода – будь то «поэтика или идеология» [цит. раб: 10]. Перевод художественного текста неизменно находится в подчинении власти, которая может проистекать от единоличного авторитета или группы лиц, а также традиций, верований или господствующих художественных направлений. Под влиянием заданных условий переводчик осуществляет текстовую манипуляцию, вольно или невольно модифицируя текст. В зависимости от сложившихся социальных условий, манипуляция может иметь как положительный, так и отрицательный эффект, способствовать взаимному обогащению соприкасающихся в переводе культур или, напротив, подавлению переводимой культуры и искажению её восприятия в языке перевода [там же].

Идеи Лефевра положили начало бурному обсуждению проблематики переводческой манипулятивности, её влияния на получателя перевода и роли переводчика как непосредственного манипулятора, что получило детальное отражение в работе Хэтима и Мейсона «Переводчик как коммуникатор» [14], в которой последовательно рассматриваются манипулятивные переводческие практики и эффект в результате их применения при переводе устных и письменных текстов разных жанров. Интерес к вопросам манипулятивности нашел своё отражение и в многочисленных исследованиях, посвящённых постколониальным литературам и переводу [12; 17]. Изучение текстовых манипуляций постепенно распространилось на исследования манипуляций целевой аудиторией, возникающих как следствие текстовых модификаций, в

контексте господствующих идеологий и социально-экономических условий [11; 13]. Триада «социальные условия – текстовая манипуляция – манипуляция аудиторией» всё чаще оказывается в фокусе внимания современного международного переводоведения.

Манипулятивные переводческие практики имеют место в любом переводе, поскольку каждый перевод осуществляется в условиях социального контекста, имеющего некую упорядоченность и руководствующегося определённой идеологией. Под идеологией в данной статье будет пониматься используемая социумом система убеждений, ценностей и верований, разделение которых является необходимым условием для достижения индивидом определённых социальных и/или экономических благ. Идеология способна оказывать прямое воздействие на эстетическое кредо переводчиков [9: 81], и оттого манипуляция текстом и, как следствие, читателем может осуществляться переводчиком и неосознанно, т.е. в условиях полной уверенности в объективной передаче формы и содержания переводимого текста. Следствием идеологии неизбежно становятся ограничения деятельности, включающие в себя также ограничения на деятельность речевого плана [16: 5]. Ограничения эти могут носить превентивный характер – такими ограничениями являются, например, требования к соблюдению определённого уровня социальной закрытости в исключительных социополитических условиях (например, в условиях военного времени). Ограничения могут преследовать репрессивную цель – т.е. цель намеренного подавления действий и настроений, входящих в конфликт с господствующей идеологией. Наконец, встречаются также ограничения комбинированного типа, объединяющие репрессивные и превентивные практики. Превентивные, репрессивные и комбинированные ограничения оказывают прямое влияние на литературную деятельность, где принимают форму текстовых манипуляций, сказываясь как на характере подходов к передаче иноязычных художественных текстов, так и непосредственно на процессе отбора текстов для перевода. При этом манипулятивная направленность может быть разноректорной: манипуляция может осуществляться в соответствии с господствующей идеологией, т.е. «сверху» (условно назовем такой тип переводческих манипуляций «прямым») или, напротив, в противовес ей (этот тип манипуляций обозначим как «обратный»).

Большинство классических примеров переводческой манипуляции относится именно к прямому манипулятивному типу. Так, запрет на русский перевод «Путешествий Гулливера» в конце XVIII века в России был изначально мотивирован цензорами как превентивная мера, направленная на поддержание в сознании читательской аудитории позитивного образа государственного чиновника: «В сей книге автор старается разные при дворах учреждения осмеивать, как, например, весьма едко на стр. 305, что прыгание на веревках производится токмо людьми великими» [6: 31]. Запрет может быть установлен не только на отдельное произведение, но и на все труды автора, оказавшегося в сложившихся политических неприемлемой фигурой. В этом смысле показателен длившийся в СССР несколько десятилетий запрет на все произведения Редьярда Киплинга за исключением сильно сокращенной «Книги джунглей», которая надолго закрепила в сознании советских читателей представление о Киплинге как о писателе для детей. Как поэт Киплинг был

почти неизвестен послевоенным поколениям советских читателей: даже после снятия запрета на Киплинга в 1976 году его стихи издавались с осторожностью, а произведения, в полной мере отражавшие имперские идеи Киплинга или содержавшие намеки на нескрываемую неприязнь Киплинга к СССР, были впервые опубликованы в русских переводах лишь в 1980 годы и сначала – за рубежом [7]. Запрет на произведения автора традиционно влечёт за собой запрет на упоминание данного автора в любых других контекстах, в том числе в переводах. В данной связи примером может послужить выполненный в 1970 году в СССР перевод литературного исследования Уолтера Аллена «Традиция и мечта: Критический обзор английской и американской прозы с двадцатых годов до сегодняшнего дня», из которого по цензурным соображениям были изъяты все упоминания Джорджа Оруэлла и Артура Кестлера, считавшимися идеологическими противниками советской системы и не публиковавшимися в Советском Союзе [5: 363].

Запрет на публикацию переводов отдельных произведений или всех произведений конкретного автора является хотя и показательной, однако, не исключительной мерой политического воздействия. Так, Т.М. Горяева называет «совершенным и трудно уязвимым методом» политической цензуры идеологическое корректирование текста в процессе перевода, фальсификацию его формы, содержания и идеологической направленности [цит. раб.: 363]. Примеры в данной связи многочисленны; примечательна в данной связи история опубликования в СССР романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». На протяжении более двадцати лет Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова несколько раз полностью перерабатывали текст перевода, который был в итоге опубликован только в 1968 году со значительными изменениями и купюрами [8]. Вмешательство в переводческий процесс со стороны органов контроля и цензуры было несомненной превентивной мерой, направленной на ограничение информированности читателя о масштабе сталинских репрессий (упоминание Каркова, прообразом которого стал впоследствии погибший в сталинских лагерях Михаил Кольцов), а также на пресечение возможных сомнений в представителях коммунистической партии (созданный Хемингуэем отрицательный образ Андре Марти). Переводческие купюры, перифразы и ослабления эмоционального тона также активно применялись в случаях, когда повествование шло вразрез с пропагандируемыми в СССР представлениями о морали и нравственности (любовные сцены, воспоминания Пилар о её жизни с матадором, размышления Роберта Джордана об оправданности военных действий) [там же].

Регулярное осуществление превентивных и репрессивных мер посредством переводческих манипуляций может быть сопряжено с формированием научных переводческих концепций и школ, которые на уровне официальной науки способны сформулировать обоснование правомерности применения тех или иных переводческих манипуляций к различным типам оригинальных текстов. Одной из таких переводческих концепций посвящена детальная монография А.Г. Азова «Поверженные буквалисты», посвященная советскому художественному переводу середины XX века [1]. Детальные исследования причин манипулятивных тенденций в литературе СССР

представлены в работах А.В. Блюма [2–4], детально осветившего литературную и издательскую ситуацию советской эпохи.

Переводческая манипуляция читательским мнением способна приобретать обратный вектор в ситуации переводческого активизма, направленного на противодействие несправедливым мерам, предпринимаемым представителями господствующей идеологии. В этом случае переводчик намеренно прибегает к переводческим приемам и художественной эстетике, порицаемой господствующей идеологией. Одним из наиболее показательных примеров в данной связи является перевод на греческий язык сборника «Политических текстов» Б. Брехта, который выполнил Дионисос Диварес в 1971 году – в период управления Греции военной хунтой. Период правления хунты в Греции был ознаменован не только массовыми репрессиями, но и насильственной сменой нормативного социолекта новогреческого языка с народной димотики на элитарную кафаревусу, что вызвало широкое общественное негодование. Противостояние димотики и кафаревусы отражало противостояние общественного мнения мнению правительственной военной верхушки. Этот факт был намеренно отражен Диваресом при переводе цитируемых Брехтом нацистских общественных выступлений: рождественского обращения Рудольфа Гесса и победной речи Германа Геринга. У Брехта речи были оформлены в две колонки: в первой колонке речи цитировались напрямую, во второй Брехтом расшифровывался подтекст сообщений. В переводе Дивареса речи нацистов были оформлены на кафаревусе, а комментарии автора – на димотике. Таким образом, в своем переводе Диварес намеренно провел параллель между нацистским режимом и греческой диктатурой чёрных полковников; перевод тем самым стал открытой манифестацией протеста против господствующего режима [10: 131–134].

Последний пример демонстрирует способность перевода не только способствовать распространению и упрочению существующей идеологии, но и, напротив, выражать идеи сопротивления идеологического меньшинства. Сравнительная немногочисленность подобных примеров проистекает из самого данного нами выше определения идеологии: поскольку разделение господствующей идеологии является необходимым условием для достижения определённого уровня общественных благ, немногие переводчики открыто выступают против создавшихся социополитических условий. Использование перевода как инструмента сопротивления является индикатором чёткого осознания переводчиком своей гражданской позиции и готовности к жизненным лишениям, которые повлечёт отстаивание своих убеждений.

Список литературы

1. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.
2. Блюм А.В. Зарубежная литература в спецхране // Иностранная литература. 2009. №12. С. 131–146.
3. Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
4. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 312 с.

5. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
6. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект пресс, 2001. 368 с.
7. Камовникова Н.Е. Поэзия Редьярда Киплинга и её русскоязычные переводы в СССР // Материалы 44 Междунар. филол. науч. конф., 10–15 марта 2015 г. «Федоровские чтения». Актуальные проблемы переводоведения / Под ред. В.И. Шадрина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 54–59.
8. Кузнецова Е. Способы идеологической адаптации переводного текста: О переводе романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» // Логос. № 3 (87). 2012. С. 153–171.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология ТРИ, СПб.: СПбГУ, 2002. 347 с.
10. Asimakoulas Dimitris. Translation as Social Action: Brecht's 'Political Texts' in Greek / TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction. Vol. 20. N 1. 2007. Pp. 113–140.
11. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. London and New York: Routledge, 2006. 203 p.
12. Bandia P. Translation as Repatriation. New York: Routledge, 2014. 270 p.
13. Bánhegyi M. Exposing Political Manipulation and Bias in Mediatized Translations. The Translation-centered Political Mass Communication Model / INTRAlinea. № 15. 2013. [Electronic resource] URL: http://www.intralinea.org/archive/article/exposing_political_manipulation_and_bias_in_mediatized_translations
14. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London and New York: Taylor & Francis, 2005. 217 p.
15. Lefevere A. (Ed.) Translation/History/Culture: A Sourcebook. London and New York: Routledge, 1992. 182 p.
16. O'Leary C. Introduction // Censorship Across Borders: The Reception of English Literature in Twentieth Century Europe / Ed. by C. O'Leary and A. Lázaro. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. Pp. 1–24.
17. Tymoczko M. Post-colonial writing and literary translation // Post-colonial translation: theory & practice / Ed. by Susan Bassnett & Harish Trivedi. London and New York: Taylor & Francis, 2002. Pp. 19–40.

TRANSLATION AS AN INSTRUMENT OF PUBLIC OPINION MANIPULATION UNDER POLITICAL RESTRICTIONS

N.E. Kamovnikova

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

The article studies the main stages of the development of the concept of translation manipulation both as text manipulation and as manipulation of target audience. The author suggests the terms «multidirectional manipulation», «direct manipulation», and «reverse manipulation», which allow a more precise description of relations of translation practices to the ideological context in which they are performed. The provided theory is illustrated by examples.

Keywords: *translation, literary text, manipulation, ideology, translator's activism.*

Об авторе:

КАМОВНИКОВА Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, email: studentskamov@yandex.ru

